

Цифровые риски и цифровая безопасность глазами разных поколений: опыт качественного исследования

© 2023

Рикель Александр Маркович^{*1}, кандидат психологических наук,
доцент кафедры социальной психологии факультета психологии

*Старостина Юлия Андреевна*², кандидат психологических наук,
психолог II категории кафедры возрастной психологии факультета психологии

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

*E-mail: rikel_am@psy.msu.ru,
a.m.rikel@gmail.com

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0911-5800>

Поступила в редакцию 10.08.2023

Принята к публикации 29.08.2023

Аннотация: В статье проанализирована проблема цифровых рисков и цифровой безопасности в восприятии поколения Z и реформенного поколения, что актуально в свете разной скорости адаптации к процессам цифровизации у представителей разных когорт. Эти риски выделены, классифицированы и описаны как с теоретической позиции, так и в контексте восприятия респондентами. Описаны результаты исследования, проведенного методом полуструктурированного интервью с привлечением 6 фокус-групп с участием 37 респондентов – представителей так называемых реформенного поколения и поколения Z (цифрового поколения). Цель исследования – выявление особенностей восприятия цифровых рисков и стратегий адаптации к ним у представителей поколения Z и реформенного поколения. В качестве общих для всех поколений результатов предложен рейтинг восприятия рисков, где в основном выделяются экономические риски, риски, связанные с безопасностью конфиденциальной информации, личностные риски и вопросы слежки в Интернете. Наиболее опасным риском признается риск утери контроля за личной и финансовой информацией в Интернете. Стратегиями адаптации к данным рискам оба поколения называют технократические стратегии. При этом основной вывод касается степени свободы реализации коммуникации в Интернете: поколение Z не боится свободно общаться и реализовывать свою деятельность в Интернете, а представители реформенного поколения чаще предпочитают ограничивать свою активность.

Ключевые слова: цифровые риски; цифровая безопасность; поколение; цифровое поколение; поколение Z; реформенное поколение; экономические риски.

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке фонда РФ (проект № 22-18-00230).

Для цитирования: Рикель А.М., Старостина Ю.А. Цифровые риски и цифровая безопасность глазами разных поколений: опыт качественного исследования // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2023. № 3. С. 68–75. DOI: 10.18323/2221-5662-2023-3-68-75.

ВВЕДЕНИЕ

При анализе особенностей поколений и межпоколенческих различий проблема цифровизации и ее восприятия логичным образом упоминается одной из первых как в дискурсе простых обывателей и на страницах популярных медиа, так и в научных исследованиях. Этот фокус внимания задается контекстом социологической и социально-психологической трактовки поколения как когорты людей, объединенных схожими условиями социализации и, как следствие, возможными схожими паттернами поведения [1–4].

Любые классификации поколений можно признать достаточно условными в силу отсутствия четкости границ между когортами, непрозрачности критериев выделения условий социализации, относительности понятия ядра поколения и других причин [5; 6]. При этом границы поколений все равно выделяются в рамках научных исследований как естественный способ демаркации межпоколенческих различий [2; 7]. В данной работе используется классификация поколений, адаптированная в рамках цикла исследований отечественного социолога В.В. Радаева [2].

Так называемое поколение Z (2001 год рождения и позднее) иногда в противовес старшим поколениям

называют «цифровыми аборигенами» [8]. Погруженность в цифровые технологии вызывает некоторые изменения на уровне когнитивных особенностей восприятия информации, а также трансформацию паттернов онлайн- и офлайн-общения у данного поколения [9–11]. При этом ряд авторитетных исследователей утверждают, что цифровая компетентность старших поколений не может быть охарактеризована однозначно негативно, так как освоение этой среды взаимодействия проходило для них в сознательном возрасте и зачастую самостоятельно [12]. Именно эта неоднозначность заставила нас обратить внимание преимущественно на так называемое реформенное поколение (1968–1981 годы рождения), чье знакомство с цифровым миром приходилось уже не на подростковые годы.

Исследование поколений как больших социальных групп естественным образом подразумевает применение количественной методологии, однако все чаще тренд на углубленное понимание психологического портрета поколения заставляет исследователей прибегать также к качественной методологии и к философии Mixed Methods Research [13]. Изучение поколений с помощью глубинных интервью и фокус-групп регулярно проводится в социологических и психологических исследованиях [14; 15].

Повсеместная цифровизация приводит к изменениям почти во всех сферах жизни человека: личной, профессиональной, семейной, образовательной, что, в свою очередь, ведет не только к определенным преимуществам, но и к неизбежным рискам. Цифровая среда с ее колоссальной неопределенностью и информационной избыточностью трансформирует классические схемы управления рисками, а также когнитивные особенности оценки риска [16]. Важно, что любой человек в той или иной степени информирован о цифровых рисках и отчасти подвергает себя им добровольно.

В работе [12] выделяются контентные, коммуникационные, технические, потребительские виды цифровых рисков, а также отдельно интернет-зависимое поведение. Контентные риски распространены повсеместно, они представляют собой потребление нежелательного или опасного по содержанию контента, ознакомление с любыми незаконными и неэтичными материалами в Интернете. Коммуникационные риски чаще всего возникают при общении с использованием социальных сетей, мессенджеров, чатов и заключаются в возможности мошенничества, распоряжении личными данными пользователей, раскрытии тайны переписки, нарушении доверия, повышении агрессивности в межличностном общении, кибербуллинге. Технические риски также встречаются повсюду при использовании цифровых средств, обычно фигурируют в виде вредоносного программного обеспечения, вирусов и т. д., которые повреждают или похищают данные пользователей и информацию. Потребительские виды рисков преимущественно возникают при использовании мобильных банков, различных сервисов по продаже товаров и услуг и представляют собой разные виды экономических (потеря денежных средств, покупка некачественных товаров, несоответствие цены и качества услуги) и социальных рисков (потеря репутации или сбор компромата). Интернет-зависимость – непреодолимая тяга к чрезмерному использованию Интернета и цифровых средств. Она может проявляться в форме увлечения видеоиграми, навязчивой потребности в общении посредством мессенджеров, социальных сетей и форумов, онлайн-просмотре видео, фильмов и сериалов. Риски здесь кроются в потере контроля над временем, проводимым в сети, возникновении синдрома отмены, замене реальности виртуальной средой [17]. Все большее внедрение компьютерно-опосредованных форм коммуникации в человеческие отношения приводит к глобальным трансформациям коммуникативного опыта современного человека. Соответственно, здесь можно выделить следующие риски: анонимность собеседников, быстрая радикализация суждений, редуцированность невербальных средств коммуникации, дистраивание или искажение образа партнера по общению, противоречие новых и старых, традиционных, норм коммуникации, что создает новые основания для межпоколенных разрывов в ценностно-смысловой сфере [18].

Цифровизация повседневной жизни не может не отражаться на процессах развития личности в разных возрастах, начиная уже с младенчества. Трансформируется весь процесс социализации ребенка, возникает так называемое «цифровое детство» [12]. Цифровые технологии – это уже не только инструмент, но и культурное орудие, которое оказывает влияние на формирование

сознания и самосознания человека [19]. Здесь можно выделить следующие риски:

1) снижение возраста цифровой инициации и рост пользовательской активности, появление «гиперподключенных» детей, уже с детского сада проводящих в сети по 4–5 часов [12];

2) изменение когнитивного развития детей и подростков: снижение социального и эмоционального интеллекта, изменение механизмов памяти (Google-эффект), снижение концентрации внимания, падение уровня речевого развития [20; 21];

3) риски, связанные с сохранением физического здоровья [20];

4) изменение взаимоотношений ребенка с окружающим миром, изменение социальных и культурных практик деятельности ребенка и, как следствие, возможное снижение коммуникативной компетентности и речевых навыков [12]. Здесь важно помнить, что развитие детей и подростков связано не только с количеством экранного времени, но и с содержанием их онлайн-деятельности;

5) изменение процесса построения идентичности и ролевого самоопределения, ролевого экспериментирования у подростков: риск увеличения неопределенности социальной идентичности и угроза утраты устойчивости и определенности своего «Я», сложности в становлении гендерной идентичности [18];

6) увеличение числа непродуктивных защитных механизмов личности, например эскапизма – ухода от реального пространства в виртуальное, и, как следствие, усиление изоляции и чувства одиночества у подростков [22];

7) рост проявлений агрессивности в цифровой среде за счет расторможенности, анонимности и, как следствие, риск распространения кибербуллинга [23];

8) ощущение подростками и молодежью Интернета как безопасного пространства и при этом нахождение большинства значимых для детей цифровых рисков вне поля зрения значимого взрослого [12].

Цель исследования – выявление особенностей восприятия цифровых рисков и представления о стратегиях адаптации к ним у представителей поколения Z и реформенного поколения.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось методом полуструктурированного интервью в рамках фокус-групп. Метод обработки включал: 1) качественный контент-анализ; 2) анализ включенности всех участников в обсуждение конкретной темы; 3) анализ времени, затраченного на обсуждение темы; 4) согласованность точек зрения.

Выборка. В рамках исследования было организовано 6 фокус-групп с привлечением 37 респондентов. Три фокус-группы состояли из студентов различных вузов (8 юношей, 10 девушек) – представителей поколения Z (от 20 до 23 лет). Три фокус-группы состояли из представителей преимущественно так называемого реформенного поколения (1968–1981 годы рождения) (4 мужчины, 15 женщин) с различным уровнем образования и разными видами занятости, но большинство респондентов (18 из 19 человек) имели высшее образование.

Задачи исследования:

1) выявить и классифицировать цифровые риски в восприятии представителей двух поколенческих когорт;

2) проанализировать причины восприятия тех или иных рисков как существенных;

3) выявить представления о важности аналогичных рисков для поколения родителей/детей (в зависимости от принадлежности к поколенческой когорте);

4) выявить представления о наличии возможных копинг-стратегий, или средств адаптации к данным рискам;

5) сформировать своеобразный рейтинг воспринимаемых рисков у разных поколений.

Топик-гайд (вопросы, использованные при проведении фокус-группы):

1. Есть мнение, что активное пользование Интернетом таит в себе угрозы, делает человека более уязвимым. Какие можно выделить угрозы и уязвимости, которые в целом есть?

2. А какие угрозы/уязвимости есть лично для Вас?

3. Представьте себе людей возраста ваших родителей/детей. А какие угрозы более актуальны для них?

4. Насколько для Вас реальны и опасны экономические угрозы? Как Вы с ними справляетесь?

5. Насколько для Вас реальны и опасны проблемы безопасности информации? Как Вы с ними справляетесь?

6. Насколько для Вас опасны проблемы возможной слежки за Вами в Интернете? Как Вы с ними справляетесь?

7. Можете ли Вы как личность как-то пострадать от Интернета? Ваше достоинство? Психика? Как Вы с этим справляетесь?

8. Вмешиваются ли цифровые технологии в Вашу реальную жизнь и общение с другими людьми? Меняется ли взаимодействие с людьми, организация Вашей жизни? Есть ли здесь риски и уязвимости? Как Вы с ними справляетесь?

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Респонденты – представители обоих поколений, говоря о цифровой среде и ее рисках, предсказуемо чаще обращаются к рискам сети Интернет, чем к опасностям других проявлений цифровой среды. Составляя условный рейтинг этих рисков, у поколения Z можно выделить главным образом экономические риски, риски, связанные с безопасностью конфиденциальной информации, и вопросы слежки в Интернете. Для представителей реформенного поколения это прежде всего личностные риски, экономические риски, риски, связанные с безопасностью конфиденциальной информации, и только потом вопросы слежки в Интернете.

Если выделять не риски вообще, а непосредственно актуальные для участников фокус-групп, то для представителей поколения Z тройка наиболее встречающихся рисков такова: слив личной информации, деанонимизация (44 % участников), утечка данных банковских карт и других документов (44 %) и травля в Интернете (11 %). А тройка наиболее представленных рисков для реформенного поколения выглядит следующим образом: утечка данных банковских карт и других документов (52,5 %), слив личной информации, деанонимизация (31,5 %) и лишние чаты в мессенджерах (26 %). Интересно, что четвертым пунктом в обоих рейтингах актуальных рисков стоит «переход большей части жизни в онлайн-пространство» (11 % для поколения Z и 21 % для реформенного поколения соответственно). Таким образом, наиболее актуальными для них самих

представители обоих поколений считают риски, связанные с безопасностью конфиденциальной информации, и экономические риски.

Рассмотрим все основные риски, описываемые нашими респондентами. Касательно экономических рисков респонденты обоих поколений чаще всего упоминали слив баз данных, включающих паспортные данные, банковские карты и т. п., а также другие виды мошенничества, такие как звонки, взлом страниц родственников, фейковые сайты. Значительная часть испытуемых (58 % представителей реформенного поколения и 39 % представителей поколения Z) опасаются слива баз данных банков, курьерских служб и пр. в руки мошенников. Сюда входит как проблема слива основных документов (паспорт, СНИЛС, права и т. п.), так и данных банковских карт, что впоследствии может напрямую привести к финансовым потерям. Респонденты отмечали, что это важная проблема: «Мы все пользуемся онлайн-банкингом и рискуем потерять честно заработанные деньги из-за утечки данных, слива различных баз: Сбербанк выкидывает даже бумажные носители со всеми данными, а уж о цифровых и подавно не заботятся»; «Утечка данных работает даже так: сливают данные курьерские службы, а после пандемии мы очень сильно на них подсели по всем параметрам». Распространенной также является проблема мошенничества с помощью других способов: например, взлом страниц родственников и друзей, звонки как бы из банков, с «Госуслуг» (отметили 32 % респондентов реформенного поколения и 39 % поколения Z). Помимо этого, двое респондентов упомянули проблему трудностей контроля онлайн-денег: «Я стала больше тратить денег – интернет-магазины затягивают, AliExpress, Wildberries», «Раньше деньги держал в руках и видел их ценность, а сейчас тратить стало проще».

Для борьбы с подобными рисками (рис. 1) респонденты из поколения Z используют технократические способы. Главными рисками, связанными с безопасностью личной информации, для Z-респондентов являются слив личных переписок, а также риск понести ответственность за распространение информации в Интернете. Приведем цитату респондента: «Как будто со всеми из этих рисков можно легко справиться – ты помнишь о них, ты знаешь о них – делаешь двухфакторную идентификацию, но мне неприятно то, что могут быть последствия, что кто-то нежелательный может это увидеть – несмотря на все пароли, кто-то может это хакнуть и увидеть. Но самое страшное – это, конечно, если правоохранительные органы посмотрят и там будут последствия. Не то что я перестану что-то делать, но в голове это очень неприятная штука». Для обеспечения безопасности личной информации студенты, как правило, прибегают к технократическим стратегиям (двухфакторной аутентификации, длинным паролям, их постоянной смене и пр.). Реформенное поколение также воспринимает эти риски как распространенные и актуальные: наиболее реальным является слив личных данных, но речь идет также и о компромате, ущербе репутации и цифровом следе в сети, по которому можно составить полный портрет человека. «Всё может быть слито. Всё, что где-то опубликовал, – уже в доступе». «Всё, что есть в Интернете, изучается: к тебе можно присмотреться и много собрать. Безопасности нет

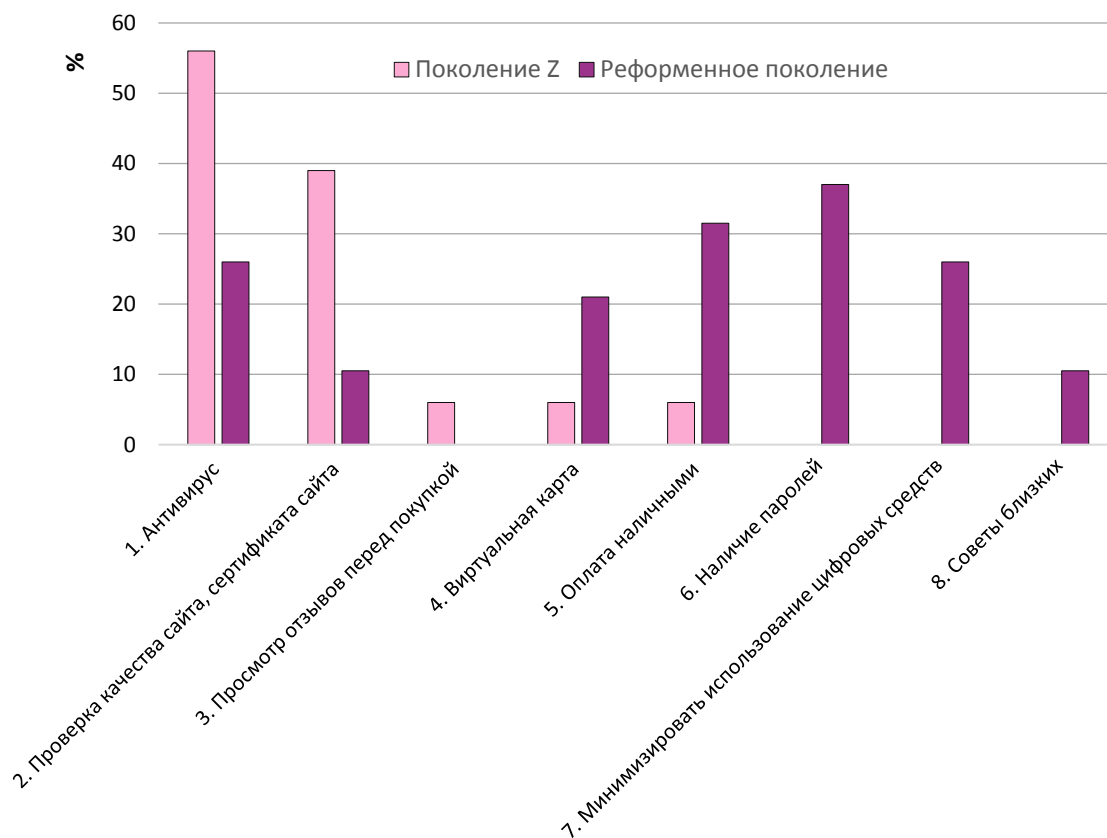

Рис. 1. Способы борьбы с экономическими рисками, предложенные представителями разных поколений
Fig. 1. Ways of struggling against economic risks proposed by representatives of different generations

вообще». В качестве средств защиты от этих рисков респонденты – представители реформенного поколения предпочитают больше контролировать свои действия и высказывания в Интернете, ограничивать доступ к своим страницам, вообще не регистрироваться в социальных сетях, т. е., по сути, и здесь отчасти отказываются от свободной самопрезентации в «цифре».

Риск stalking (слежки) представители поколения Z приписывают обобщенным абстрактным внешним силам (stalking в Интернете, камеры фиксации лиц, камеры ноутбуков и телефоны), в то время как для реформенного поколения он напрямую связан со слежкой со стороны собственного работодателя (рис. 2). Молодое поколение вновь справляется со слежкой технократическими методами (заклеивание видеокamеры на ноутбуках, заклеивание микрофона, отключение устройств голосовых помощников), а старшее поколение вновь обращается к внутренней цензуре как основному копинг-инструменту в данной ситуации. Важно отметить, что представители обоих поколений уделили незначительное время обсуждению данной проблемы.

Существенную часть времени представители обоих поколений говорили о цифровых рисках для психологического благополучия личности. Важно отметить, что именно в этом блоке названо больше всего потенциальных, по мнению всех респондентов, рисков (рис. 3). Молодые респонденты выделили 15 рисков и чаще всего упоминали риски, связанные со сравнением себя с другими, думскроллинг, влияние фейковых новостей

и нежелательного контента, кибербуллинг и ощущение собственной неуязвимости в Интернете. Старшие респонденты выделили 25 рисков и чаще всего упоминали риски, связанные с ущербом физическому здоровью (ухудшение зрения, осанки), влияние нежелательного контента, зависимость от использования Интернета, потерю коммуникативных навыков, манипуляцию и психологическое давление. Мы предполагаем, что разный характер выделенных рисков может объясняться возрастными различиями, при этом копинг-стратегии в данной ситуации у обоих поколений похожи. Z-респонденты предпочитают самостоятельно настраивать свою новостную ленту в социальных сетях, проводить в них меньше времени или же отказываться от них вовсе («цифровой детокс»). Они также игнорируют новости, стараются контролировать поток поступающей информации. Реформенное поколение для борьбы с данными рисками предпочитает отключать уведомления, контролировать свои высказывания в публичном интернет-пространстве («Веди себя прилично и не нарывайся» – вот моя стратегия») и переключаться на другие виды деятельности. Основной способ борьбы реформенного поколения с этими рисками такой же, как и с предыдущими, – минимизировать использование «цифры». 31,5% опрошенных предпочитают и рекомендуют именно его: «Мы не знаем всех рисков и особенно как на них повлиять – Интернет только-только возник, в моем детстве даже в самых сильных фантазиях я бы такого не смог представить, что есть сегодня».

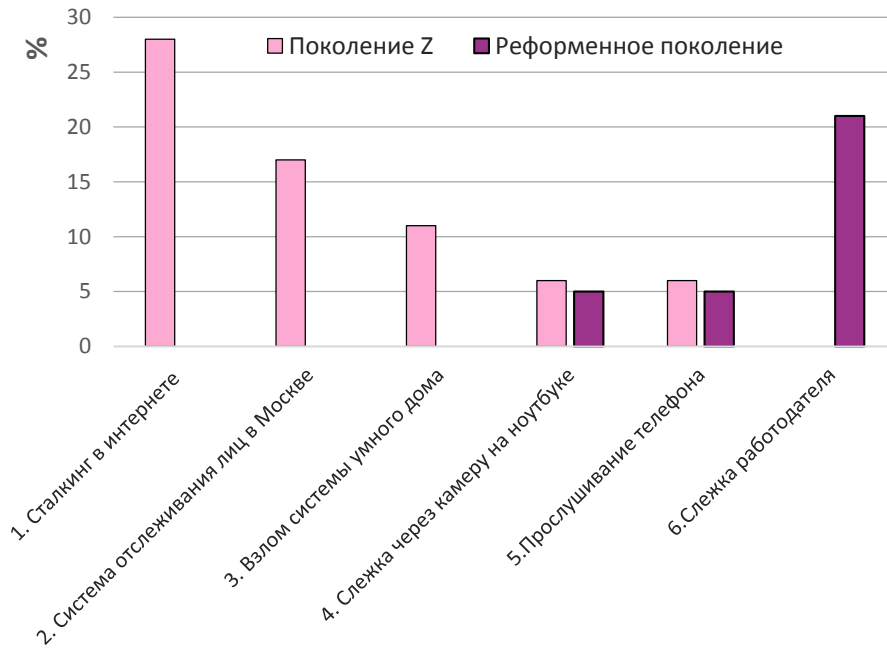

Рис. 2. Риски слежки в Интернете, описываемые представителями разных поколений
Fig. 2. Risks of surveillance on the Internet described by representatives of different generations

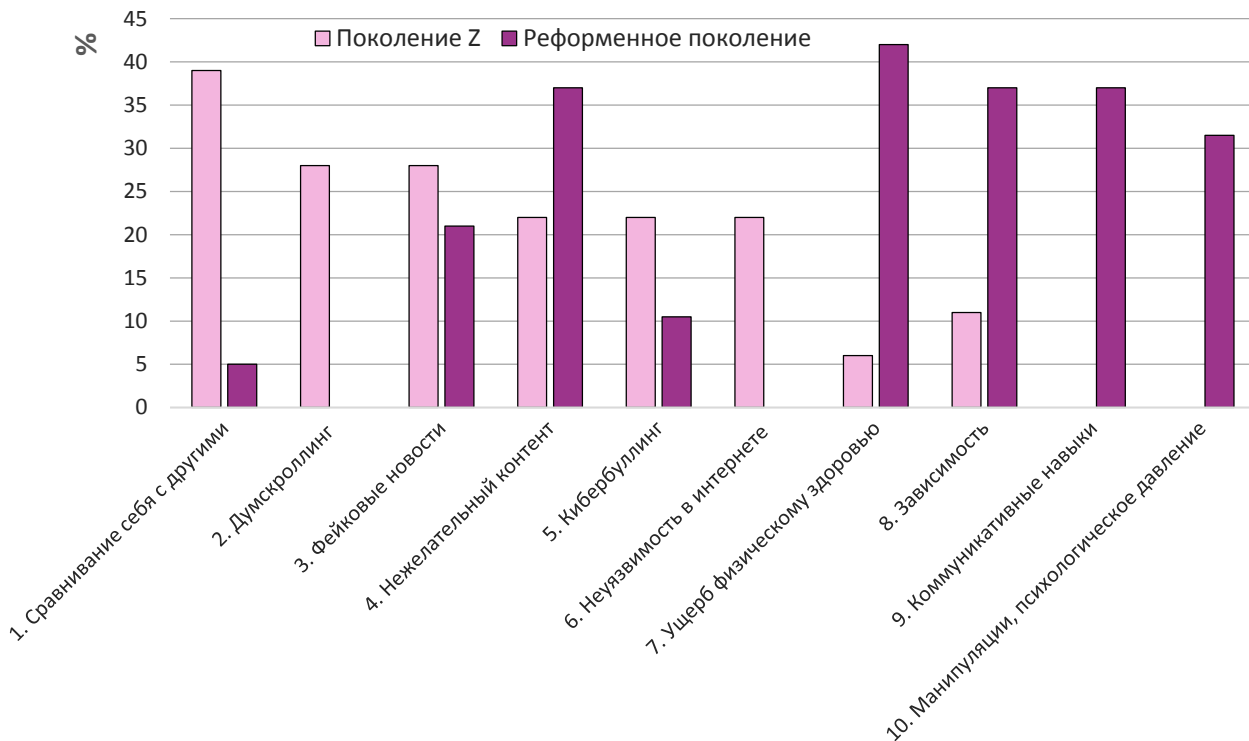

Рис. 3. Риски, связанные с психологическим состоянием, выделяемые представителями обоих поколений
Fig. 3. Risks related to the psychological state identified by representatives of both generations

Любопытно, что основным выделенным молодыми опрошенными риском, связанным с вмешательством цифровых технологий в реальную жизнь, является утрата навыков эмпатии, а для более старших респондентов – опасение потери контроля за своей жизнью, когда исчезновение Интернета (по какой-либо причине) приведет к параличу жизненной активности по причине слишком большой зависимости от него. Несмотря на то, что данный риск не находится в основном фокусе внимания респондентов, здесь также любопытны различия: старшие респонденты опасаются излишнего проникновения Интернета в свою жизнь, как чего-то чужеродного, но от которого слишком многое зависит, в то время как младшие респонденты вообще не рефлексируют по поводу его возможного исчезновения, воспринимая Интернет как неизменный атрибут своей жизни.

Оценивая риски «цифры» для старшего поколения, молодежь называет цифровую неграмотность (22 %) и, как следствие, излишнюю доверчивость в Интернете (44 %), т. е. и здесь подчеркивается некая чужеродность цифровых средств для старших поколений, не очень свободное пользование ими. Реформенное поколение, в свою очередь, опасается за потерю коммуникативных навыков у молодежи (37 %) и снижение их когнитивных способностей – внимания, памяти, мышления (31,5 %), а также повышение уровня игровых зависимостей (26 %) и эскапизма, ухода от реальности (21 %). Таким образом, старшее поколение тоже боится, что «цифра» слишком проникла в жизнь молодых людей, что в какой-то степени заменяет реальность и напрямую влияет на личность и межличностное взаимодействие.

Частотный анализ показал, что оба поколения преимущественно используют технократические стратегии адаптации ко всем рассмотренным рискам (72 % упоминаний у поколения Z и 64 % – у реформенного). Мыследейственные способы, связанные с ограничением своей деятельности в Интернете, выбирают 20 % молодежи и 32 % старшего поколения.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученные результаты демонстрируют схожую картину рисков у обоих рассматриваемых поколений, но вот способ борьбы с этими рисками несколько отличается. Представители поколения Z не боятся находить технические способы адаптации к ним, в то время как большинство представителей реформенного поколения предпочитают просто ограничивать свою активность в цифровой среде. Эта тенденция любопытна и может быть проинтерпретирована как большая свобода и адаптированность представителей молодого поколения: осознавая наличие цифровых рисков, молодежь не боится находить технические способы адаптации к ним, при этом свободно реализуя свою деятельность и общаясь в Интернете. Молодые люди ощущают себя действительно скорее «цифровыми аборигенами». Это согласуется с результатами, полученными в других исследованиях: подростки и молодежь, взрослеющие в эпоху «цифрового детства», лучше ориентируются в цифровом пространстве, чем их родители, в большей степени проявляют себя в Интернете и удовлетворяют в цифровой среде свои потребности [17; 23]. Тот факт, что зна-

чимо большее количество представителей реформенного поколения предпочитает просто ограничивать свою активность, показывает все-таки более настороженное отношение и страхи перед цифровыми рисками. Сама идея того, что «Интернет могут отключить» и цифровые средства могут пропасть, совершенно отсутствующая у представителей поколения Z, иллюстрирует то, что представители реформенного поколения рассматривают цифровые средства коммуникации и взаимодействия как нечто чужеродное, внешнее по отношению к ним самим, пусть и удобное для использования. И эти результаты подтверждают феномен «цифрового разрыва» между поколениями [12]. Интересно, что содержание цифровых рисков и представители поколения Z, и представители реформенного поколения понимают одинаково.

ВЫВОДЫ

1. Представители обоих поколений чаще обращаются к рискам Интернета, чем к опасностям других проявлений цифровой среды. Говоря об условном рейтинге этих рисков, можно выделить главным образом экономические риски, риски, связанные с безопасностью конфиденциальной информации, личные риски и вопросы слежки в Интернете.

2. Самыми актуальными и важными лично для себя рисками и представители поколения Z, и представители реформенного поколения назвали риск слива личной информации, а также возможную утечку информации из официальных документов в руки мошенников.

3. Оба поколения преимущественно используют технократические стратегии адаптации к данным рискам. Мыследейственные способы, связанные с ограничением своей деятельности в Интернете, чаще выбирают представители старшего поколения.

4. Осознавая наличие цифровых рисков, молодежь не боится находить технические способы адаптации к ним, при этом свободно реализуя свою деятельность и общаясь в Интернете.

5. Значимо большее количество представителей реформенного поколения предпочитает просто ограничивать свою активность в цифровой среде, что показывает более настороженное отношение к цифровым рискам и страхи перед ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пищик В.И. Ценностные измерения поколений через актуализируемые страхи // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 67–81. DOI: [10.17759/sps.2019100206](https://doi.org/10.17759/sps.2019100206).
2. Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование (первая часть) // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 3. С. 30–63. DOI: [10.19181/socjour.2020.26.3.7395](https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7395).
3. Joshi A., Dencker J.C., Franz G., Martocchio J.J. Unpacking Generational Identities in Organizations // Academy of Management Review. 2010. Vol. 35. № 3. P. 392–414. DOI: [10.5465/amr.35.3.zok392](https://doi.org/10.5465/amr.35.3.zok392).
4. Lyons S.T., Schweitzer L., Urick M.J., Kuron L. A dynamic social-ecological model of generational identity in the workplace // Journal of Intergenerational Rela-

- tionships. 2019. Vol. 17. № 1. P. 1–24. DOI: [10.1080/15350770.2018.1500332](https://doi.org/10.1080/15350770.2018.1500332).
5. Тихомандрицкая О.А., Рикель А.М. (Не)взрослое поколение: модель исследования поколенческой относительности оценки взрослости // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2022. Т. 19. № 2. С. 209–232. DOI: [10.22363/2313-1683-2022-19-2-209-232](https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-2-209-232).
 6. Рикель А.М. Поколение как объект изучения социальной психологии: исследование на «своем поле» или на «ничей земле»? // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 9–18. DOI: [10.17759/sps.2019100202](https://doi.org/10.17759/sps.2019100202).
 7. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5. С. 7–14. EDN: [HTMNIPI](https://www.edn.ru/HTMNIPI/).
 8. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants: a new way to look at ourselves and our kids // On the Horizon. 2001. Vol. 9. № 5. P. 1–6.
 9. Micheli M. What is New in the Digital Divide? Understanding Internet Use by Teenagers from Different Social Backgrounds // Communication and Information Technologies Annual. 2015. Vol. 10. P. 55–87. DOI: [10.1108/S2050-206020150000010003](https://doi.org/10.1108/S2050-206020150000010003).
 10. Salajan F.D., Schonwetter D.J., Cleghorn B.M. Student and faculty inter-generational digital divide: Fact or fiction? // Computers and Education. 2010. Vol. 55. № 3. P. 1393–1403. DOI: [10.1016/j.compedu.2010.06.017](https://doi.org/10.1016/j.compedu.2010.06.017).
 11. Van Volkom M., Stapley J., Malter J. Use and Perception of Technology: Sex and Generational Differences in a Community Sample // Educational Gerontology. 2013. Vol. 39. № 10. P. 729–740. DOI: [10.1080/03601277.2012.756322](https://doi.org/10.1080/03601277.2012.756322).
 12. Солдатова Г.У., Рассказова Е.У. «Цифровой разрыв» и межпоколенческие отношения родителей и детей // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 6. С. 83–93. EDN: [XDNHZZX](https://www.edn.ru/XDNHZZX/).
 13. Семенова В.В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся. 2003. № 3. С. 213–237. EDN: [PEOBWX](https://www.edn.ru/PEOBWX/).
 14. Vanderven K. The Road to Intergenerational Theory is Under Construction: A Continuing Story // Journal of Intergenerational Relationships. 2011. Vol. 9. № 1. P. 22–36. DOI: [10.1080/15350770.2011.544206](https://doi.org/10.1080/15350770.2011.544206).
 15. Паграков Э.В., Сабо Ч.М., Батурина Л.И., Панов В.И., Перейра де Мораес Р.М. Экспсихологическая интерпретация риска как критерия психологической готовности индивида к взаимодействиям с цифровой средой (кросс-культурное исследование педагогов) // Психология человека в образовании. 2023. Т. 5. № 1. С. 124–137. DOI: [10.33910/2686-9527-2023-5-1-124-137](https://doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-1-124-137).
 16. Белинская Е.П. Совладание с трудностями в эпоху неопределенности и глобальных рисков: основные исследовательские тренды // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 6. С. 760–771. DOI: [10.21603/2078-8975-2022-24-6-760-771](https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-760-771).
 17. Марцинковская Т.Д. Информационное пространство транзитивного общества: проблемы и перспективы развития // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 3. С. 77–96. DOI: [10.17759/cpp.2019270306](https://doi.org/10.17759/cpp.2019270306).
 18. Тебекин А.В. Перспективы и риски цифровизации дополнительного профессионального образования // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9. № 1. С. 2558–2566. DOI: [10.15372/PEMW20190119](https://doi.org/10.15372/PEMW20190119).
 19. Стрекалова Н.Б. Риски внедрения цифровых технологий в образование // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 84–88. DOI: [10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88](https://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88).
 20. Карабанова О.А., Молчанов С.В. Риски негативного воздействия информационной продукции на психическое развитие и поведение детей и подростков // Национальный психологический журнал. 2018. № 3. С. 37–46. DOI: [10.11621/npj.2018.0304](https://doi.org/10.11621/npj.2018.0304).
 21. Бенгина Е.А., Гришаева С.А. Кибербуллинг как новая форма угрозы психологическому здоровью подростка // Вестник университета. 2018. № 2. С. 153–157. EDN: [YUPICD](https://www.edn.ru/YUPICD/).
 22. Береговская Т.А., Гришаева С.А. Поколение Z: потребительское поведение в цифровой среде // Вестник университета. 2020. № 1. С. 92–99. DOI: [10.26425/1816-4277-2020-1-92-99](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-1-92-99).

REFERENCES

1. Pishchik V.I. Value measurements of generations through actualized fears. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo*, 2019, vol. 10, no. 2, pp. 67–81. DOI: [10.17759/sps.2019100206](https://doi.org/10.17759/sps.2019100206).
2. Radaev V.V. The divide among the millennial generation: historical and empirical justifications (part one). *Sotsiologicheskij zhurnal*, 2020, vol. 26, no. 3, pp. 30–63. DOI: [10.19181/socjour.2020.26.3.7395](https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7395).
3. Joshi A., Dencker J.C., Franz G., Martocchio J.J. Unpacking Generational Identities in Organizations. *Academy of Management Review*, 2010, vol. 35, no. 3, pp. 392–414. DOI: [10.5465/amr.35.3.zok392](https://doi.org/10.5465/amr.35.3.zok392).
4. Lyons S.T., Schweitzer L., Urick M.J., Kuron L. A dynamic social-ecological model of generational identity in the workplace. *Journal of Intergenerational Relationships*, 2019, vol. 17, no. 1, pp. 1–24. DOI: [10.1080/15350770.2018.1500332](https://doi.org/10.1080/15350770.2018.1500332).
5. Tikhomandritskaya O.A., Rikel A.M. (Non)adult generation: a model for studying the generational relativity of maturity assessment. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika*, 2022, vol. 19, no. 2, pp. 209–232. DOI: [10.22363/2313-1683-2022-19-2-209-232](https://doi.org/10.22363/2313-1683-2022-19-2-209-232).
6. Rikel A.M. Generation as a social-psychological research object: playing at home or an away match? *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo*, 2019, vol. 10, no. 2, pp. 9–18. DOI: [10.17759/sps.2019100202](https://doi.org/10.17759/sps.2019100202).
7. Levada Yu.A. Generations of the XXth century: opportunities for research. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, 2001, no. 5, pp. 7–14. EDN: [HTMNIPI](https://www.edn.ru/HTMNIPI/).
8. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants: a new way to look at ourselves and our kids. *On the Horizon*, 2001, vol. 9, no. 5, pp. 1–6.
9. Micheli M. What is New in the Digital Divide? Understanding Internet Use by Teenagers from Different Social Backgrounds. *Communication and Information*

- Technologies Annual*, 2015, vol. 10, pp. 55–87. DOI: [10.1108/S2050-206020150000010003](https://doi.org/10.1108/S2050-206020150000010003).
10. Salajan F.D., Schonwetter D.J., Cleghorn B.M. Student and faculty inter-generational digital divide: Fact or fiction? *Computers and Education*, 2010, vol. 55, no. 3, pp. 1393–1403. DOI: [10.1016/j.compedu.2010.06.017](https://doi.org/10.1016/j.compedu.2010.06.017).
 11. Van Volkom M., Stapley J., Malter J. Use and Perception of Technology: Sex and Generational Differences in a Community Sample. *Educational Gerontology*, 2013, vol. 39, no. 10, pp. 729–740. DOI: [10.1080/03601277.2012.756322](https://doi.org/10.1080/03601277.2012.756322).
 12. Soldatova G.U., Rasskazova E.U. “Digital gap” and intergenerational relations of parents and children. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2016, vol. 37, no. 6, pp. 83–93. EDN: [XDNHZX](https://www.edn.ru/xdnhzx).
 13. Semenova V.V. Modern conceptual and empirical approaches to the concept of “generation”. *Rossiia reformiruyushchayasya*, 2003, no. 3, pp. 213–237. EDN: [PEOBWX](https://www.edn.ru/peobwx).
 14. Vanderven K. The Road to Intergenerational Theory is Under Construction: A Continuing Story. *Journal of Intergenerational Relationships*, 2011, vol. 9, no. 1, pp. 22–36. DOI: [10.1080/15350770.2011.544206](https://doi.org/10.1080/15350770.2011.544206).
 15. Patrakov E.V., Sabo Ch.M., Baturina L.I., Panov V.I., Pereyra de Moraes R.M. Ecopsychological interpretation of risk as a criterion of an individual’s psychological readiness for interactions with the digital environment: a cross-cultural study among educators. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii*, 2023, vol. 5, no. 1, pp. 124–137. DOI: [10.33910/2686-9527-2023-5-1-124-137](https://doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-1-124-137).
 16. Belinskaya E.P. Coping in times of uncertainty and global risks: the main research trends. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, vol. 24, no. 6, pp. 760–771. DOI: [10.21603/2078-8975-2022-24-6-760-771](https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-760-771).
 17. Martsinkovskaya T.D. Information space of a transitive society: challenges and prospects. *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 2019, vol. 27, no. 3, pp. 77–96. DOI: [10.17759/cpp.2019270306](https://doi.org/10.17759/cpp.2019270306).
 18. Tebekin A.V. Outlooks and risks in digitalization of further training. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 2558–2566. DOI: [10.15372/PEMW20190119](https://doi.org/10.15372/PEMW20190119).
 19. Strekalova N.B. Risks of digital technologies implementation into education. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*, 2019, vol. 25, no. 2, pp. 84–88. DOI: [10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88](https://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88).
 20. Karabanova O.A., Molchanov S.V. Risks of negative impact of information products on mental development and behavior of children and adolescents. *Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal*, 2018, no. 3, pp. 37–46. DOI: [10.11621/npj.2018.0304](https://doi.org/10.11621/npj.2018.0304).
 21. Bengina E.A., Grishaeva S.A. Cyberbullying as a new form of danger of the psychological health of a teenager’s personality. *Vestnik universiteta*, 2018, no. 2, pp. 153–157. EDN: [YUPICD](https://www.edn.ru/yupicd).
 22. Beregovskaya T.A., Grishaeva S.A. Generation Z: consumer behavior in digital ecosystem. *Vestnik universiteta*, 2020, no. 1, pp. 92–99. DOI: [10.26425/1816-4277-2020-1-92-99](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-1-92-99).

Digital risks and digital security through the eyes of different generations: qualitative investigation experience

© 2023

*Aleksandr M. Rikel**¹, PhD (Psychology), assistant professor
of the Department of Social Psychology of the Faculty of Psychology
*Yuliya A. Starostina*², PhD (Psychology),

2nd category psychologist of the Department of Developmental Psychology of the Faculty of Psychology
Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)

*E-mail: rikel_am@psy.msu.ru,
a.m.rikel@gmail.com

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0911-5800>

Received 10.08.2023

Accepted 29.08.2023

Abstract: The paper analyzes the issue of digital risks and digital security in the perception of generation Z and the reform generation, which is relevant in terms of different speeds of adaptation to digitalization processes among representatives of different cohorts. The authors identify, classify and describe these risks both from a theoretical position and in the context of perception by respondents. The paper describes the results of the study conducted by the technique of semi-structured interviews involving six focus groups with the participation of 37 respondents – representatives of the so-called reform generation and generation Z (digital generation). The purpose of the study is to identify the characteristics of the perception of digital risks and strategies for adapting to them among representatives of generation Z and the reform generation. As a common for all generations result, the authors propose a risk perception rating, which mainly emphasizes economic risks, risks related to the confidential information security, personal risks, and issues of surveillance on the Internet. The risk of losing control over personal and financial information on the Internet is considered the most dangerous one. Both generations refer technocratic strategies to the strategies for adapting to these risks. At the same time, the main conclusion concerns the degree of freedom in the implementation of communication on the Internet: generation Z is not afraid to communicate freely and implement its activities on the Internet and the reform generation representatives often prefer to limit their activity.

Keywords: digital risks; digital security; generation; digital generation; generation Z; reform generation; economic risks.

Acknowledgments: The research was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00230).

For citation: Rikel A.M., Starostina Yu.A. Digital risks and digital security through the eyes of different generations: qualitative investigation experience. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*, 2023, no. 3, pp. 68–75. DOI: [10.18323/2221-5662-2023-3-68-75](https://doi.org/10.18323/2221-5662-2023-3-68-75).